

А. Ю. Михайлов

«Классическое как русское» или «классическое vs. русское»: проблема «национализации» классицизма и формулирования национального стиля в архитектуре России XVIII–XX вв.

Аннотация: используя методологию архитектурной (В. Паперный, Б. Вильковский), искусствоведческой (Э. Панофский) и в целом гуманитарной науки (М. Фуко), автор предпринял попытку рассмотреть классицизм как один из вариантов «национального» стиля России, формулирование которого было одной из главных задач российской власти в области архитектуры XVIII–XX вв. Предметом исследования является процесс «национализации» европейского классицизма и выстраивания на его основе «национальной» версии глобального стиля. В фокусе внимания автора всевозможные трансформации/мутации, связанные с использованием идеологического и формотворческого потенциала классицизма в формулировании различных версий «национального» стиля. Анализ осуществляется на примере трех периодов российской истории — эпох актуализации классицизма как идеологии и архитектурного стиля: собственно классицизма (неоклассицизма) 1770–1820 гг., неоклассицизма 1900–1910-х гг. и советского неоклассицизма 1930–1950-х гг.

Ключевые слова: классицизм, национальный стиль, Русская архаика (античность), неоклассицизм, национальный романтизм, «романтический классицизм», советский неоклассицизм, сталинский ампи́р, «готическо-русский» стиль, ложная готика, (нео)нарышкинский стиль.

Проблематизация вопроса «классическое как русское» и формулирования национального стиля на фундаменте классицизма. Новое время (период модерности) в истории России характеризуется противоборством двух диалектических (взаимоотрицающих и взаимодополняющих) тенденций: глобализации, усвоения достижений западной «классической культуры» и ее национализации, оригинализации, выработки на ее основе собственной версии классики для национальной культуры.

Рецепция западноевропейской культуры происходила по схеме «копирование (калькирование) – национальное осмысление», которое было опосредовано интенциями государства на ее активное усвоение, «переучивание» населения или утверждение «туземности», автохтонности российской культуры. Реализовывалось это в виде просветительских проектов политической элиты по отношению к обществу, подразумевавших осуществление социальных утопий². Наиболее рельефно противоречия между двумя тенденциями проявляются в переломные для политики, социума и культуры

эпохи: этапы глобализации социальных утопий — периоды неоклассицизма. Выражалось это в процессе «затвердевания»³ европейской классики на российской почве, ее гипертрофирования и мутации, оригинализации, приспособлении к локальным условиям.

В статье вопрос соотношения национального и классического (классицистского) как в идеологии, так и на уровне архитектурных стилей проблематизируется для того, чтобы показать механизм (во всех нюансах) взаимовлияния идеологии и архитектурных стилей. В фокусе внимания — классицизм как вариант национального стиля, как фон и потенциал, порождающий разнообразные формы и смыслы художественного архитектурного стиля. Результатом проблематизации, по-видимому, должен явиться ответ на вопрос: как в эпоху собственно классицизма (как художественного стиля в России 1770–1820-х гг., который совпадает с неоклассицизмом как культурной, ментальной и идеологической парадигмой в истории Европы указанного времени), неоклассицизма 1900–1910-х гг. и советского неоклассицизма 1930–1950-х гг. шел процесс осмысления и конструирования национального стиля?

Более продуктивным в данном случае является выявление исследовательской проблематики, формулирование вопросов, чем поиск ответов на них. Для начала необходимо риторически

¹ Под «классической культурой» понимается усвоение в России западной культуры Нового времени, которую по совокупности механизмов рационализации (дисциплинаризации, математизации и др.) М. Фуко называл «классической эпохой». См.: Вундрам М. Палладио, 1508–1580. Законы гармонии. М., 2009. С. 7–9.

² См.: Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004.

³ Термин В. Паперного. См.: Паперный В. Культура два. М., 1996. С. 41–99.

вопросить: почему в рамках классицизма (прежде всего «просвещенного» Екатерининского, 1780–1790) возникла необходимость «формулировать» (М. Фуко) национальный стиль? В качестве ответа на какое явление оно последовало? Реакцией на что послужило?

Гипотетически можно рассуждать так: усвоение классического, нововременного типа западной, рационализирующейся, культуры в России, начатое при Петре Великом, в правление Екатерины Великой достигло определенного уровня (хотя, может быть, только количественного). Встроенная почти на равных в европейскую систему межкультурных отношений, Россия в лице интеллектуалов почувствовала насущную необходимость сконструировать свой национальный стиль («национальную культуру» – «национальную классику» – «национальный канон»⁴) как ответ на вызовы Европы. Его «формулирование» исходило из определения варварскости/цивизованности по принципу принадлежности к общему, античному наследию. Империи необходимо было создать свою, локальную, оригинальную версию европейской Античности – классицизма – как на уровне идеологии и культуры, так и в плоскости их художественных проявлений⁵.

Для неоклассицизма начала XX в., который осмыслился и популяризировался представителями интеллектуально-художественного сообщества «Мира искусств», конструирование национального стиля шло на основе русского классицизма, с его уже двухвековой национальной традицией⁶. Каковы были интенции такого выбора? Наверное, желание удержать российскую культуру на фундаменте европейской классики в эпоху переосмысления классики, вхождения в парадигму модерна как следующего после классики этапа развития культуры в соответствии с линейным сценарием истории. Данный процесс схож с тем, что в начале XX в. происходило в литературе и науке.

Говоря словами Г. И. Ревзина, «миriskусники» стремились вернуть российскую культуру поздней империи к «искусству молодых и сильных» (Античность, Возрождение), чтобы вдохнуть новую жизнь в умирающий, общеевропейский тип культуры формирующегося потребительского общества⁷. Данный вектор «омоложения» культуры, придания ей нового импульса сходен с советской идеологической установкой на подражание «про-

грессивным» этапам в развитии человечества (Античность, Возрождение, эпоха Французской революции), что совпадает с этапами, обозначаемыми как «искусство молодых и сильных»⁸.

Обращение архитекторов и интеллектуалов 1930–1950-х гг., именуемых «сталинской эпохой», к идеалам классицизма и их воспроизведение в формате советского неоклассицизма являлось преодолением того вектора в культуре, который пытались отрицать «миriskусники» еще в начале XX в. Отказ от коллективистских экспериментов 1920-х гг. означал актуализацию сложившейся российской классической традиции⁹. В художественной, архитектурной плоскости это означало разработку национального стиля для СССР – империи по системе отношений – на основе идей и форм имперского неоклассицизма начала XX в. В таком преломлении советский неоклассицизм, иногда описываемый через понятие «сталинская архитектура», может быть именован продолжением, второй волной неоклассицизма начала XX в.¹⁰. Отметим, что это положение в искусствоведческой и архитектурной традиции не бесспорно. Так, Г. И. Ревзин занимает противоположную А. В. Иконникову позицию в вопросе преемственности первой (1910-е гг.) и второй волны (1930–1950-е гг.) неоклассицизма в России¹¹.

В русле этой генеральной тенденции рассуждений процедура проблематизации требует ответа на следующие вопросы. Почему вопрос о выработке национального стиля не ставился в рамках русского барокко XVIII в.? Способно ли было барокко стать русским, национализироваться? Как соотносится лаконичное палладианство или глобализированный ампир с «русским» в искусстве и архитектуре? В чем точки соприкосновения и отрицания неоклассицизма и неорусского стиля начала XX в., классической и национальной традиции в парадигме модерна («нового искусства»)? Как из лаконичных форм «красной дорики» вдруг выросла изощренность псевдоготики и жизнерадостность (нео)нарышкинского стиля 1940–1950-х гг.?

Акцент делался на точках соприкосновения и расхождения между классицизмом и «русским» как условным художественным идентификатором обозначения оригинального, национального в архитектуре России. Проблематизация в формате исследовательской рамки «классическое как русское» или «классическое vs. русское» помогает ввести изучаемый вопрос в игру аналогий (ложно-

⁴ О складывании национального канона в российской культуре имперского времени см. Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 267–299.

⁵ Турчин В. С. Александр I и неоклассицизм в России. Стиль империи или империя как стиль. М., 2001. С. 80–129, 130–203.

⁶ Борисова Е., Стернин Г. Русский неоклассицизм. М., 2002.

⁷ Ревзин Г. И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX в. М., 1992. С. 149.

⁸ Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007. С. 159.

⁹ Различные варианты этой актуализации рассматриваются в книге: Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010.

¹⁰ Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопия и реальность: В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 343–442.

¹¹ Ревзин Г. И. Указ. соч. С. 152–153.

го/истинного, гипотетического/исторически доказуемого) и описать явления во всей его нюансированности и калейдоскопичности¹².

Ложная готика как «русский стиль»: раннеромантическая версия оригинального стиля в эпоху «национализации» классицизма конца XVIII – начала XIX в. Национальная традиция русской архитектуры — нарышкинское, отчасти строгановское барокко, русские черты в стиле Ф. Б. Растрелли, подспудно сосуществовавшие с «большими стилями» XVIII в. — в Екатерининское царствование в рамках проекта избрания Российской античности (архаики) обрела свою актуальность. Реализовывалась она теперь в версии «раннего романтизма» (Н. Кожин, 1927) или «романтического классицизма» (З. Гидони, 1922)¹³, в его ложно(псевдо)готической версии.

Мутация классицизма в конце XVIII в. — вызревание в его рамках романтических тенденций — привела к акцентированию парадигмы готики в Европе. В России она стала известна благодаря мастерам-иностранцам и памяти об условной готике XVI–XVII вв. («перпендикулярный», или «стрельчатый», более известный как стиль Тюдор, использованный при перестройке Московского Кремля)¹⁴. Творчеством В. Баженова и его ученика М. Ф. Казакова описывается поиск национального стиля на основе классического фундамента в его романтических версиях.

Царицынский (1786–1796), Каменностро́вский (1776–1782) и Чесменские дворцы (1774–1777) в (ложно)готическом стиле свидетельствуют о поощрении этих вкусов и исканий со стороны монархов. Усадебные комплексы сел Знаменка и Красное (1780-е), а также церковь в с. Быкове (1789) говорят о возрастании популярности этого стиля у аристократии.

По классификации советского специалиста по русской псевдоготике Н. А. Кожина, национальный русский стиль В. Баженова есть синтез московского барокко XVIII в. (трансформация нарышкинского) с западноевропейской готикой и барокко¹⁵. Это его органическое сочетание («здесь не приходится говорить об эклектике»), так как источники и элементы русской ложной готики «органично слиты и самостоятельно переработаны в создании

Баженова»¹⁶). О влиянии предшествующей барочной традиции в период «национального романтизма» говорит и искусствовед В. Г. Лисовский¹⁷.

Перекликающееся с этим определение творчества В. Баженова как «раннеампирных тенденций» в российском классицизме свидетельствует о начале той длительной тенденции (1780–1820), когда сочетание элементов готики (стрельчатые окна, красный кирпич) и ампира (колоннада, портик, масштабы) опознавалось как национальный стиль (колокольня Успенского собора во Владимире, 1810, архитектор А. Вершинский). Этот стиль немецкий искусствовед первой половины XX в. З. Гидони назвал «романтическим классицизмом», подразумевая использование различных готических и барочных форм на основе классического фундамента¹⁸.

Данная органичная тенденция, по мысли советских искусствоведов, была прервана формулированием К. Тоном своей версии русско-византийского стиля, конструирование которого шло по другим принципам¹⁹. Впрочем, в «художественной археологии» начала XIX в., которая, по мнению В. Г. Лисовского и В. С. Турчина, являлась начальным этапом в осмыслении русского стиля, развернулась целая дискуссия о национальном характере древностей²⁰. Неслучайно, что при складывании канона русско-византийского стиля как национального за образцы были взяты памятники Владимиро-Суздальской архитектуры домонгольского периода (XII–XIII вв.) или Раннемосковской эпохи (XIV–XV вв.). Готика XVI–XVII вв. была отвергнута как не национальная, ложная²¹.

О том, что в 1830–1840-е гг. император, теоретики «политического национализма» (С. С. Уваров) и архитекторы находились на распутье, решая, по какому сценарию конструировать национальный русский стиль²², свидетельствует следующий факт. В 1835 — начале 1840-х гг. при обсуждении проектов нового императорского дворца в Коломенском предпочти-

¹² *Кастель Р.* «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. СПб., 2001. С. 10–32.

¹³ *Ревзин Г. И.* Указ. соч. С. 107.

¹⁴ О том, по каким критериям перпендикулярный стиль опознается как английский, см.: *Певзнер Н.* Английское в английском искусстве. СПб., 2004. С. 106–149.

¹⁵ *Кожин Н. А.* Некоторые черты творчества Баженова // *Архитектура СССР.* 1937. № 2. С. 17. Более детально эти мысли раскрыты в работах: *Кожин Н. А.* Основы русской псевдоготики XVIII в. М., 1927; *он же.* Памятники русской псевдоготики села Знаменки Тамбовской губернии. М., 1924.

¹⁶ *Кожин Н. А.* Некоторые черты творчества Баженова // *Архитектура СССР.* 1937. № 2. С. 17.

¹⁷ *Лисовский В. Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М., 2000. С. 11–51.

¹⁸ *Ревзин Г. И.* Указ. соч. С. 107.

¹⁹ *Ильин М.* Русская национальная архитектура и проблемы русского стиля // *Архитектура СССР.* 1945. № 9. С. 31–33.

²⁰ *Лисовский В. Г.* Указ. соч. С. 53–108. О дискуссиях см. также: *Турчин В. С.* Указ. соч. С. 276–451.

²¹ Об отношении искусствоведов (Э. Виолле-ле Дюк) и писателей (В. Жуковский, А. Малиновский) XIX в. к «годуновской готике» (русской архитектуре рубежа XVI–XVII вв.) как чужой, инородной для русского стиля см.: *Годуновский классицизм* // *Справочник по архитектуре и строительству.* URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/429>.

²² *Наццокина М. В.* Античное наследие в русской архитектуре Николаевского времени. Его изучение и творческая интерпретация. М., 2011. С. 129–138; *Лисовский В. Г.* Указ. соч. С. 109–166.

тельным считалось строить «в стиле готическо-русском»: проект предусматривал зеркальное повторение знаменитой шатровой — «готической» — Вознесенской церкви в Коломенском (1528–1532) на двух оконечностях грандиозного строения.

Комментируя эти проекты, искусствовед М. В. Нащокина пишет, что «понятие русского стиля было в то время еще во многом не определенным, поэтому выбор готическо-русского стиля, с одной стороны, навеян так называемыми “готическо-русскими” постройками XVIII в. в Москве (к примеру, Петровским подъездным дворцом), а с другой, вызван особенностями архитектуры церкви Вознесения в Коломенском, воспринимавшейся как своего рода средневековая русская готика»²³. Очевидно, формулирование русского стиля в николаевское время определял «архив» (М. Фуко) русской готики XVI–XVII вв. и ложной готики XVIII в.

В рамках русско-византийского стиля древнерусский декор, наложенный на классическую структуру здания, дискредитировал национальный стиль почти на весь имперский период. Архитекторам начала XX в. (А. В. Щусеву, В. А. Покровскому) пришлось вернуться к нарышкинскому барокко и условной готике в формах «годуновского классицизма» («стрельчатый», или «перпендикулярный», стиль Московского Кремля).

Таким образом, ложная готика предстает как исходный момент, начальный этап в формулировании национального стиля на основе классицизма, как начальная стадия процесса «обнационаливания» классицизма. Он был результатом творческих поисков архитекторов (В. Баженова и М. Ф. Казакова), их ответом на заказ верховной власти. В период кризиса классицизма (по Г. С. Кнабе, в эпоху исчерпания античного компонента национальной культуры)²⁴ разработка национального стиля пошла по иному сценарию. Данный вектор развития творческих поисков национального в архитектуре, например, советские архитекторы-неоклассицисты считали ложным²⁵.

Классическое как национальное российское: версия русского классицизма в начале XX в. Трансформация персональной, «классической», академической культуры XIX в. в перипетиях начала века XX актуализировал проблему сохранения и рефлексии классического наследия перед лицом модерна (ар нуво) и авангарда. В процессе становления «общества модерна» (а следовательно, постепенной и тотальной модернизации

всего) модернизировались, пусть подсознательно, и классические архитектурные стили. Модернизированный классицизм, представленный неомпиром или неоренессансом, сосуществовал с неорусским и другими неостильями. Общественному сознанию, привыкшему к классицизму 1800–1850-х гг. как к стилю «казенному» (стилю губернских присутствий и гауптвахт), предлагалось отразить его, оценить его эстетический потенциал.

«Мирикусники» выдвинули идею *неоклассицизма как национального стиля* на основании его 200-летней органичной вплетенности в российскую историю, его национализации и демонстрации лучших результатов в Европе²⁶. Данный проект периодически институционализировался, получал поддержку власти, санкционировался в качестве нормы, канона. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1911 г. на Всемирной выставке в Риме фасад российского павильона, при полном, казалось бы, господстве неорусского стиля, был выполнен именно в неоклассическом стиле (архитектор В. А. Щуко)²⁷. Показательна реакция на этот стиль реалистов и передвижников. И. Е. Репин, например, называл его «крепостническим» и «аракчеевским»²⁸.

В подобном контексте можно предположить, что неорусский стиль существовал для внутреннего и колониального использования (для русифицируемых регионов — Польши, Финляндии) как идеологическое маркирование пространства. Для внешнего же общения с Европой использовался понятный ей язык «цивилизованного» классического формотворчества!

Исходя из принципа «иконографического развития» неоклассицизма, сформулированного Г. И. Ревзиным, российская неоклассика встала на путь «максимального вживания в классику прошлого»²⁹. «Уникальность процесса иконографической эволюции — последовательной иконографической ретроспекции классики прошлого» он объясняет интенциями российской власти³⁰. По-видимому, в ситуации постоянного выбора между стилями верховная власть взяла курс на архаизацию классического стиля, имея целью создать оригинальный стиль на основе дорического и архаических стилей, как некий аналог архаичности (былинности, языческого колорита) неорусского стиля. В этом Г. И. Ревзин видит качественный переход российской неоклассики от стилизации к стилю³¹.

²³ Нащокина М. В. Указ. соч. С. 573.

²⁴ Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000. С. 154–183.

²⁵ Ильин М. Указ. соч. С. 31–33; Аркин Д. Е. Классицизм и ампиризм в Москве // Архитектура СССР. 1935. № 10/11. С. 82–89.

²⁶ Борисова Е., Стернин Г. Русский неоклассицизм. М., 2002. С. 7–30; Ревзин Г. И. Указ. соч. С. 48–67.

²⁷ Борисова Е., Стернин Г. Указ. соч. С. 30–31. См. также: Ревзин Г. И. Указ. соч. С. 108.

²⁸ Борисова Е., Стернин Г. Указ. соч. С. 30–31.

²⁹ Ревзин Г. И. Указ. соч. С. 148.

³⁰ Там же. Об «иконографической ретроспекции» см.: Ревзин Г. И. Указ. соч. С. 98–129.

³¹ Там же. С. 69–97.

«Классическое» и формулирование критериев «русского» для национального стиля в советской архитектурной мысли. Процесс создания новой советской архитектуры 1930–1950-х гг. подразумевал среди прочего и определение ее места в линейной шкале истории российской национальной архитектуры. Архитекторы и теоретики должны были соотнести ее с предыдущими эпохами и проблемными вопросами архитектурной мысли (соотношения глобального и национального, традиции и новации, общественного и индивидуального, адекватности описания социальных утопий).

Эпоха «сталинской архитектуры», в рамках которой национальный стиль эволюционировал от глобального неоклассицизма, национально не окрашенного, к протобарочным формам XVI–XVII вв. в их нарышкинско-годуновском варианте, свидетельствует о том, что главной проблемой был вопрос о соотношении «классического» и «русского» в формировании национального стиля архитектуры.

Исходя из того факта, что большинство советских архитекторов этого времени были все теми же неоклассицистами 1900-х гг. (И. Фомин, братья А. А., В. А. и Л. А. Веснины, И. В. Жолтовский и др.), лишь прошедшими увлечение конструктивизмом, можно было бы предположить, что они тотально придерживались тезиса о «национализации» классического наследия за его 200-летнюю историю существования в России. Но это не совсем так! Еще в середине 1930-х гг., когда большинство зданий в центральной России строилось без намека на национальную специфику (исключение составляли национальные республики, для которых формулировались национальные стили³²), в архитектурной периодике авторы рассуждали о судьбах национального стиля в России и роли классического компонента (фундамента) в его формировании³³.

Советские архитекторы резко отрицательно относились к русско-византийскому национальному стилю К. Тона, считая его «ложно-псевдо-упрощенной», сниженной версией национального архитектурного формотворчества. Так, Д. Е. Аркин писал о 1840-х гг. как о периоде «насаждения архитектурной фальши кокошников, теремов, островерхих башенок, византийских куполов»³⁴. Ему вторил

³² См., например: *Щусев А. В.* Архитектура советского востока // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 8–9; Проблемы национальной архитектуры советского востока // Там же. С. 1–3.

³³ *Соколова Н.* Проблема стиля и художественного наследия русских зодчих // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 54–60; *Аркин Д. Е.* Архитектура эпохи французской революции // Там же. 1934. № 8. С. 60–68; *Он же.* Классицизм и ампиры в Москве // Там же. 1935. № 9. С. 82–89.

³⁴ *Аркин Д. Е.* Классицизм и ампиры в Москве // Архитектура СССР. 1935. № 10–11. С. 89.

М. Ильин, утверждавший, что ошибки XIX века дискредитировали саму идею национального стиля вплоть до начала XX в.³⁵ Манера, в которой работали мастера направления К. Тона, может быть названа работой «в штукатурке». Они нагромождали классические фасады условно древнерусским декором по классическим ордерным приемам, и это приводило к «муляжности» их произведений³⁶. Интересна в этом отношении критика В. И. Шервуда — за его нелепое, по мнению советских архитекторов, оформление интерьеров Исторического музея в Москве. Ему вменялось в вину затемнение росписями монументальных объемов музея, имитирующих древнерусские палаты. В качестве примера исправления советскими мастерами псевдорусского стиля приводился пример перестройки помещений архитектором М. Г. Бархиным, лишившим их условности русско-византийского стиля³⁷.

Образцовыми произведениями в национальном стиле, ближайшими к советской эпохе, на которые следовало ориентироваться, считались творения А. В. Щусева (Казанский/Рязанский вокзал в Москве) и В. А. Покровского (Судная палата в Москве и Государственный банк в Нижнем Новгороде). Искусствоведы и архитекторы утверждали своеобразие стиля А. В. Щусева и В. А. Покровского, его непохожесть на неорусский стиль начала XX в. (что весьма спорно). Историк архитектуры М. Ильин называл их даже первыми теоретиками национального стиля, а их произведения — лучшими в России в области национальной архитектуры после В. Баженова³⁸. Получается, что между В. Баженовым и А. В. Щусевым почти вековой разрыв в развитии подлинно и истинно национального стиля. А. В. Щусев и В. А. Покровский встроились в традицию нарышкинского барокко — последнего национального этапа архитектуры, правда, уже базируясь на твердом классическом фундаменте с 200-летней российской историей. А нарышкинское барокко, по мнению советских архитекторов того времени, и есть усвоение принципов ордernessи русской, московитской архитектурой³⁹.

Подобное восприятие творчества А. В. Щусева способствовало строительству Казанского вокзала в середине 1920-х гг.: в период расцвета конструктивизма продолжалось возводиться одно из знаковых для Москвы зданий в «русском» стиле⁴⁰. Творчество

³⁵ *Ильин М.* Указ. соч. С. 31.

³⁶ Там же.

³⁷ *Габричевский А.* Новое оформление интерьеров исторического музея // Архитектура СССР. 1938. № 1. С. 75–79.

³⁸ *Ильин М.* Указ. соч. С. 32.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Седов В.* Неоклассика в московской архитектуре 1920-х гг. // Проект классика. 2006. № 20. С. 163. (URL: http://www.projectclassica.ru/about/numbers/20_2006.htm).

В. Баженова, описываемое в категориях «раннеампирных тенденций» и «раннего русского романтизма», в интерпретации советских архитекторов считалось знаковым и начальным этапом в формировании национального стиля в России Нового времени⁴¹. Постепенно, в период с середины 1930-х до конца 1940-х гг., «подлинно национальный» стиль советских архитекторов перешел из теории в практику. Большинство знаковых послевоенных зданий построены именно в этом неонарышкинском стиле (московские высотки и др.). Затем он эволюционировал в более минималистический «пилонадный» стиль, который однозначно считался апогеем тоталитаризма в архитектуре.

Характер взаимосвязи идеологии и архитектуры показывает, что в довоенный период — в период формально интернациональной идеологии — торжествовала идея об органичности классического как национального. Только теперь она базировалась не на мирискуснической идее усвоения и «обнационаливания» классического наследия, а на принципе актуальности стилей, порожденных прогрессивными эпохами (классика — Древняя Греция, неоклассика — Французская революция, раннесанские версии — Возрождение). С перестройкой идеологии, с включением в нее национального элемента в период Великой Отечественной войны к прогрессивным эпохам стало относиться и Петровское время (конец XVII — начало XVIII в.) с репрезентирующим его стилем нарышкинского барокко. Барокко петровского и елизаветинского времени хотя и имело русские черты, было более глобальным, интернациональным.

В формировании национального стиля сыграла свою роль и победа в Великой Отечественной войне, пафос которой описывался и материализовывался в знакомых и еще не забытых формах ампира — со всей его героической и титанической символикой⁴².

Периоды актуализации классики/национального стиля в 1930–1950-х гг. связаны с трансформациями идеологии. Две традиции — классика в

национальных формах и национальный стиль на классическом базисе — сосуществовали, являясь своего рода источником формотворчества советских архитекторов, по происхождению неоклассицистов эпохи модерна и неорусского стиля.

Итак, вопрос о соотношении классического и «русского» (национального) начал в архитектуре актуализироваться в российской истории в сложные, переходные этапы — периоды неоклассицизма — эпохи гипертрофированной, масштабной классики, соответствующей колоссальным политическим и социально-экономическим изменениям в стране. Впервые это произошло в конце XVIII — начале XIX в. по раннеромантическому сценарию, приведшему в полуготическому ампиру, когда один из маргинальных вариантов архитектурной классики презентовался в виде национального стиля. В начале XX в. 200-летнее существование «национализированного» классицизма позволило временно утвердить «классическое как национальное», а модернизированный классицизм — в качестве русского национального стиля. Период второй волны неоклассицизма — советский неоклассицизм (1930–1950-е гг.) пошел по сценарию первой волны, когда внутри официального классицизма вызрела (сначала теоретически, а затем и санкционирована властью на практике) версия русского национального стиля в виде неонарышкинского (продолжавшегося с 1900-х гг.) и «пилонадного» стиля послевоенного времени.

В подобном контексте гипотетическая исследовательская рамка «классическое как русское» способствует новаторскому рассмотрению сложнейшего феномена — разработки национального стиля на основе классического архитектурного наследия, должного опознаваться как «русский». Рассмотрение процесса формулирования национального стиля с позиции «классическое как русское» или нарышкинского стиля на фундаменте классики ставит под сомнение тотальность мейнстримной версии русского стиля XIX–XX вв. (русско-византийского — псевдорусского — неорусского), маргинализирует и дополняет их.

⁴¹ Кожин Н. А. Некоторые черты творчества Баженова. С. 17.

⁴² Раппаторт А. Г. «Сталинский ампир» — гипнотизм и наркотизм стиля // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 64–73. О соотношении с ампиром начала XIX в. см.: Сдвижков Д. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи, 1700–1917*. М., 2010. С. 67–104.

Список литературы:

1. Аркин Д. Е. Архитектура эпохи французской революции // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 60–68.
2. Аркин Д. Е. Классицизм и ампи́р в Москве // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 82–89.
3. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. 496 с.
4. Борисова Е., Стернин Г. Русский неоклассицизм. М.: Галарт, 2002. 287 с.
5. Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
6. Вундрам М. Палладио, 1508–1580. Законы гармонии. М.: Арт-родник, 2009. 95 с.
7. Габричевский А. Новое оформление интерьеров исторического музея // Архитектура СССР. 1938. № 1. С. 75–79.
8. Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. 356 с.
9. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопия и реальность: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс-традиция, 2001. 655 с.
10. Ильин М. Русская национальная архитектура и проблемы русского стиля // Архитектура СССР. 1945. № 9. С. 31–33.
11. Капель Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. СПб., 2001. С. 10–32.
12. Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 238 с.
13. Кожин Н. А. Некоторые черты творчества Баженова // Архитектура СССР. 1937. № 2. С. 12–17.
14. Кожин Н. А. Основы русской псевдоготики XVIII в. М., 1927.
15. Кожин Н. А. Памятники русской псевдоготики села Знаменки Тамбовской губернии. М., 1924.
16. Лисовский В. Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М.: Совпадение, 2000. 416 с.
17. Нащокина М. В. Античное наследие в русской архитектуре Николаевского времени. Его изучение и творческая интерпретация. М.: Прогресс-традиция, 2011. 616 с.
18. Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 382 с.
19. Певзнер Н. Английское в английском искусстве. СПб.: Азбука-классика, 2004. 320 с.
20. Проблемы национальной архитектуры советского востока // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 1–3.
21. Ревзин Г. И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX в. М., 1992. 168 с.
22. Седов В. Неоклассика в московской архитектуре 1920-х гг. // Проект классика. 2006. № 20. С. 163–177 (URL: http://www.projectclassica.ru/about/numbers/20_2006.htm).
23. Соколова Н. Проблема стиля и художественного наследия русских зодчих // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 54–60.
24. Сдвижков Д. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи, 1700–1917. М., 2010. С. 67–104.
25. Турчин В. С. Александр I и неоклассицизм в России. Стиль империи или империя как стиль. М.: Жираф, 2001. 512 с.
26. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 304 с.
27. Фуко М. Археология знания. Киев, 1994. 208 с.
28. Щусев А. В. Архитектура советского востока // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 8–9.

Bibliography:

1. Arkin D. E. Arkhitektura epokhi frantsuzskoy revolyutsii // Arkhitektura SSSR. 1934. № 8. S. 60 – 68.
2. Arkin D. E. Klassitsizm i ampir v Moskve // Arkhitektura SSSR. 1935. № 9. S. 82–89.
3. Arkhitektura stalinskoj epokhi. Opyt istoricheskogo osmysleniya / Sost. i otv. red. Yu. L. Kosenkova. M.: KomKniga, 2010. 496 s.
4. Borisova E., Sternin G. Russkiy neoklassitsizm. M.: Galart, 2002. 287 s.
5. Vishlenkova E. A. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 s.
6. Vundram M. Palladio, 1508–1580. Zakony harmonii. M.: Art-rodnik, 2009. 95 s.
7. Gabrichevskiy A. Novoe oformlenie inter'erov istoricheskogo muzeya // Arkhitektura SSSR. 1938. № 1. S. 75–79.
8. Evropeyskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii. M.: Nauka, 2004. 356 s.
9. Ikonnikov A. V. Arkhitektura XX veka. Utopiya i real'nost': V 2 t. T. 1. M.: Progress-traditsiya, 2001. 655 s.
10. Il'in M. Russkaya natsional'naya arkhitektura i problemy russkogo stilya // Arkhitektura SSSR. 1945. № 9. S. 31–33.

11. Kastel' R. «Problematizatsiya» kak sposob prochteniya istorii // Mishel' Fuko i Rossiya: Sb. st. SPb., 2001. S. 10–32.
12. Knabe G. S. Russkaya antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii. M.: Izd-vo RGGU, 2000. 238 s.
13. Kozhin N. A. Nekotrye cherty tvorchestva Bazhenova // Arkhitektura SSSR. 1937. № 2. S. 12–17.
14. Kozhin N. A. Osnovy russkoy psevdogotiki XVIII v. M., 1927.
15. Kozhin N. A. Pamyatniki russkoy psevdogotiki sela Znamenki Tambovskoy gubernii. M., 1924.
16. Lisovskiy V. G. «Natsional'nyy stil'» v arkhitekture Rossii. M.: Soyvpadenie, 2000. 416 s.
17. Nashchokina M. V. Antichnoe nasledie v russkoy arkhitekture Nikolaevskogo vremeni. Ego izuchenie i tvorcheskaya interpretatsiya. M.: Progress-traditsiya, 2011. 616 s.
18. Papernyy V. Kul'tura dva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 382 s.
19. Pevzner N. Angliyskoe v angliyskim iskusstve. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 320 s.
20. Problemy natsional'noy arkhitektury sovetskogo vostoka // Arkhitektura SSSR. 1934. № 8. S. 1–3.
21. Revzin G. I. Neoklassitsizm v russkoy arkhitekture nachala XX v. M., 1992. 168 s.
22. Sedov V. Neoklassika v moskovskoy arkhitekture 1920-kh gg. // Proekt klassika. 206. № 20. S. 163–177 (URL: http://www.projectclassica.ru/about/numbers/20_2006.htm).
23. Sokolova N. Problema stilya i khudozhestvennogo naslediya russkikh zodchikh // Arkhitektura SSSR. 1935. № 6. S. 54–60.
24. Sdvizhkov D. Imperiya v napoleonovskom naryade: vospriyatie frantsuzskogo neoklassitsizma v Rossiyskoy imperii // Imperium inter pares: rol' transferov v istorii rossiyskoy imperii, 1700–1917. M., 2010. S. 67–104.
25. Turchin V. S. Aleksandr I i neoklassitsizm v Rossii. Stil' imperii ili imperiya kak stil'. M.: Zhiraf, 2001. 512 s.
26. Khmel'nitskiy D. Zodchiy Stalin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 304 s.
27. Fuko M. Arkheologiya znaniya. Kiev, 1994. 208 s.
28. Shchusev A. V. Arkhitektura sovetskogo vostoka // Arkhitektura SSSR. 1934. № 8. S. 8–9.